

УДК 930 (38) «18/19»

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ФИЛОСОФОВ – ВЫХОДЦЕВ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: indrik-u-blues@rambler.ru*

Рассматривается вопрос о том, как отражены в историографии XIX–XX вв. античные свидетельства о двух знаменитых выходцах из античного Северного Причерноморья: Биона Борисфенита и Сфера Боспорского; в частности, предположения о варварском происхождении этих философов эллинистической эпохи. Несмотря на то, что ни один античный биограф не говорит о негреческом или смешанном этническом происхождении Сфера и Биона, соседство их родных полисов со скифами и «мираж Анахарсиса» породили мало подкрепленные источниками, но в достаточной мере закрепившиеся в литературе нового и новейшего времени версии о негреческом происхождении стоика и киника, прибывших в Афины с берегов Понта. Особенно стойкой оказалась эта версия по отношению к Биону: Бион-скиф появляется не только в специальных исследованиях и энциклопедиях, но и в художественной литературе, а также в произведениях жанра, называемого «фольк-истори».

Ключевые слова: античная литература, историография, история античных государств Северного Причерноморья.

Северное Причерноморье в античную эпоху – это периферия, окраина ойкумены во многих отношениях, в том числе в культурном. В то же время и археологические памятники, и литературная традиция свидетельствуют, что этот край сохранял прочную культурную связь с Элладой (тут достаточно вспомнить Борисфенитскую речь Диона Хризостома: кинический философ и оратор настаивает на том, что вынужденные непрестанно сражаться с варварами ольвиополиты сохраняют в чистоте отеческие нравы, греческий язык, все как один знают Гомера, любят Платона, жадны до бесед с приезжими учеными людьми, – в общем, в культурном отношении остаются настоящими эллинами (Ог. XXXVI, 9–18, 24, 27).

Поэтому даже беглое упоминание в литературных источниках о знаменитых выходцах с берегов Северного Понта вызывает интерес у исследователей. Это неудивительно: если свидетельства античных авторов более или менее подробны, тогда возможно реконструировать черты биографии философа, ученого или поэта, в том числе ее «причерноморскую» часть; определить, какое образование и опыт он получил на родине, следовательно, получить некоторое знание о культурной жизни северо-понтских колоний в то или иное время. Возможно и обратное: исследователь предпринимает попытку осмыслить какое-либо явление в духовной жизни всего античного мира, и сведения о выходцах из периферии играют значительную роль в таком осмыслении. Тем более неудивительно, что степень исследовательского вни-

мания к выдающимся личностям античного Северного Причерноморья возрастает по мере того, насколько подробны и распространены сведения о них в нарративных источниках. Так, например, краткое замечание Диогена Лаэртского о Дифиле Боспорянине, ученике мегарика Стилпона (II, 11, 113–114), не дает возможности для сколько-нибудь обоснованных интерпретаций и реконструкций. Вполне естественно, что невозможно найти и специальных работ, посвященных личности и учению философа Дифила: его почти непременно упоминают, когда говорят о культуре Причерноморья в эллинистическое время [15, с. 219; 64, с. 152; 64, с. 159; 71, с. 140; 72, с. 233], но не более.

Когда же свидетельства античных авторов достаточно подробны, появляется богатая почва для интерпретаций. Пример тому – интерес к Биону Борисфениту и Сфере Боспорскому. Оба этих философа неоднократно упоминаются у ряда античных и раннехристианских авторов¹, а также в средневековом византийском словаре «Суда».

¹ Известны следующие свидетельства о Сфере:

Афиней, Пир мудрецов, IV, 19 b; VIII, 50 e-f.

Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 1, 38; 1, 139; 6, 177–17.

Керкид Мегалопольский, Мелиямбы, Фрагм.5.

Плутарх, Параллельные жизнеописания, Клеомен, 32-33.

Цицерон, Тускуланские беседы, IV, XXIV.

Иногда относят к источникам о Сфере спорное упоминание о сферах: Павсаний Описание Эллады, III, 14, 6.

Свидетельства о Бионе:

Афиней, Пир мудрецов, IV, 162; XIII, 61.

Гораций, Письма, II, 2, 60.

Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, II, 11, 117; IV, 1, 5, 10, 23; 7, 46-58.

Дион из Прусы. Речь 66, 26.

Евсевий Кесарийский, Евангельское приготовление, 14, 6.

Климент Александрийский, Строматы, 7, 4; Протрептик, 4.56.1.

Олимпиадор. Комментарии к «Федону» Платона: О припоминании, 26μ; Силлогизмы, 18κδ.

Плутарх: Почему божество медлит с воздаянием, 19, 561c; Об уме животных, 7, 965AB; О пифийских оракулах, 5, 396 E; Как оценивать совершенствование своих учеников, 11.82E; О суеврии, 7, 168 D; Как отличить льстеца от друга, 16, 59A; О ложном стыде, 18, 536A; Как юноша должен слушать поэтов, 4, 22A; Влюбленный, 24, 770 B.

Псевдо-Плутарх. О воспитании детей, 17, 7C—D.

Сенека, О спокойствии души, 15, 4, О благодеяниях, 7, 1,

Стобей, Антология, 3, 40, 8; 4, 29a13; 2, 31, 97; 4, 5, 23; 3, 38, 50; Эклоги, 2, 1, 20; 2, 31, 97.

Страбон, География, I, 2, 2.

Суда, под словом «Arsor», 249.

Суда, под словом «Συμβοιον», 1377.

Телет из Мегар, Об автаркии (II); О бедности и богатстве (IV A).

Цицерон, Тускуланские беседы, III, 26.

Согласно приведенным нарративным источникам, Сфер был философом-стоиком, фило-

Несмотря на то, что ни Бион, ни Сфер не являлись философами первой величины, к известиям о их жизни и учениях обращались многие исследователи классической древности. Наиболее ранняя русская работа, посвященная Сфере – очерк И. А. Стемпковского «Исторические изыскания о жизни и писаниях боспорянина Сфера, философа стоической секты», опубликованный в 1828 г. в журнале «Московский вестник». Именно И. А. Стемпковскому принадлежит аргументированное утверждение, что Сфера следует считать Боспорянином, как о нем писал Диоген Лаэртский, а не Борисфенитом, как его называл Плутарх; кроме того, под Боспором в данном случае вполне возможно понимать Пантикапей, «ибо греческие писатели часто под названием Воспора разумели сей город, по причине положения онаго на Воспоре Киммерийском» [73, с. 204]. С доводами, приведенными в статье, согласились и позднейшие авторы [72, с. 216; 18, с. 151]. В работе «Очерки греческой философии» Э. Целлера [80, с. 176] Сфер также назван Боспорянином. В то же время автор одного из самых обстоятельных разборов вопроса об участии Сфера в реформах Клеомена, Ф. Олье, не предпринимал попыток выяснить, какой из этниконов корректнее, он просто привел оба мнения: «философ родился на периферии греческого мира в Ольвии или Пантикапее» [9, р. 543–544]. Точно так же поступили издатели «Фрагментов ранних стоиков», указав оба этникона: «*Βοσποριανός* – т. е. из Боспорского царства (Сев. Причерноморье); ср. *Βορυσθενίτης* – т. е. с берегов Борисфена (= из Ольвии?)» [79, с. 210]. Оба варианта происхождения Сфера указывает и М. В. Скржинская [71, с.32]. Не называл ни одного из этниконов исследователь стоической философии М. Поленц, указавший, что Сфер из «южной России прибыл в Афины» [67, с. 49]. Но нередко вслед за Плутархом Сфера называют Борисфенитом, никак, впрочем, этого не объясняя [30; 65; 66]

К сведениям о жизни и учениях Биона и Сфера обращались не только для изучения истории Северного Причерноморья. Бион интересовал исследователей как достаточно яркий представитель кинической школы, по некоторым данным, создатель жанра кинической диатрибы [59, с. 88, 172–187, 404]. В монографии «Греки и иррационально-софское образование получил в Афинах у Зенона Китийского, после слушал его ученика Клеанфа. Следующим периодом его жизни был спартанский, где Сфер участвовал в проведении реформ Клеомена, пытался возродить идеал спартанского полиса путем воспитания юношества в старых спартанских традициях. После трагической гибели Клеомена Сфер жил в Александрии при царе Птолемее (скорее всего, Птолемеи II Филадельфе или же Птолемеи III Эвергете). Сфер написал ряд произведений (тридцать по перечню Диогена Лаэртского), в том числе о государственном устройстве Спарты, на его «Лакедемонскую политику» ссылались Афиней и Цицерон.

Бион Борисфенит происходил из Ольвии. Приехав в Афины, он слушал академиков, киников, Феодора Безбожника. Преподавал в Афинах, на Родосе, много путешествовал. Некоторое время жил при царе Антигоне Гонате. Бион считается создателем жанра кинической диатрибы. Известно немало количество упоминаний о Бионе, из которых видно, что отношение к философу было далеко не однозначным: для Диогена Лаэртского Бион – одиозный выскочка, для Плутарха и ряда других авторов (Стобея, Афиней, Климента Александрийского) – тонкий и остроумный мыслитель. Его учениками были Телет из Мегар (продолживший традицию кинической философии своего учителя) и Аристоник Хиосский (известный как стоик).

ное» (1949 г.) Э. Доддс привлек свидетельство Плутарха о Бионе для иллюстрации противостояния «религии философов» и «народной религии»: «Бيون из Борисфена все еще полагает нужным указать, что наказывая сына за причиненную отцу обиду, бог действовал как врач, который должен дать лекарство ребенку, чтобы исцелить отца; и набожный Плутарх, который цитирует это остроумное замечание, пытается, тем не менее, найти защиту для старой доктрины в обращении к известным в его время фактам наследственности.... Если верить Диогену Лаэртскому (4. 46), Бيون имел личную причину для резкого высказывания об идее наследственной вины: он и вся его семья были проданы в рабство из-за того, что отец нанес кому-то оскорбление» [31, с. 58].

А. Л. Верлинский объяснял феномен раннеэллинистических философских школ появлением в Афинах значительного количества любителей мудрости из отдаленных уголков ойкумены, но уже на примере стоика Сфера: «Сфер со своим причерноморским происхождением хорошо вписывается в круг ранних стоиков, который даже на фоне общего преобладания уроженцев окраин над коренными афинянами в философских школах эллинизма выделяется обилием выходцев из отдаленных полисов со смешанным населением... Появление к началу III в. среди известных в греческом мире философских имен сразу трех выходцев с северопричерноморских окраин свидетельствует, что и там духовная атмосфера побуждала к решению экзистенциальных проблем. В то же время, возможно, именно «провинциальный» характер полученного ими на родине образования препятствовал занятию первых мест в тогдашнем философском движении: и мегарик Дифил..., и стоик Сфер..., и Бيون... – в равной степени незначительны как мыслители» [18, с. 151, 177].

Сфер был интересен исследователям и в связи со «спартанским миражом», как автор и участник реформ в Спарте при юном царе Клеомене [9; 17, с. 319, 148–149; 31; 65; 66].

Мы же остановимся только на одном вопросе, получившем несколько неожиданное освещение в историографии: вопросе о том, каким было этническое происхождение Биона и Сфера.

Ни один известный источник на него не отвечает: античных авторов не интересовало, являются ли эти философы этническими греками (на наш взгляд, у них просто не было сомнений в эллинском происхождении Сфера и Биона), происхождение северопонтийских философов становится проблемой уже в рамках историографии.

Диоген Лаэртский, пожалуй, наиболее негативно настроенный к Биону из всех его биографов, передает разговор философа с Антигоном Гонатом, в котором выясняется, что Бيون – выходец из социальных низов Ольвии (IV, 7, 46–47). Но о варварском происхождении Борисфенита никак не упоминается. В саркастической эпитафии Биону Лаэртий называет его уроженцем скифской земли, но это никак не характеристика этнического происхождения (Diog. Laert. IV. 7. 55). Стобей в «Антологии» также приводит беседу философа и царя, но в данной версии о корнях Биона не говорится вовсе: кинизирующий философ отвечает на вопрос царя с помощью меткой хрии (4. 29a13). Есть упоминание о семье Борисфенита в «Пире мудрецов»: со ссылкой на

Никия Никейского Афиней рассказывает о том, что матерью Биона была лаконская гетера по имени Олимпия¹ (IV, 162).

Остальные упоминания о Бионе у античных авторов относятся не к фактам биографии, а к его высказываниям «с едкой черною солью» (Hoc., Epist. II, 2, 60). Как видно, нигде в известных источниках нет даже намека на то, что Борисфенит – варвар по рождению.

В точности то же мы вправе сказать и о Сфере, который у Диогена Лаэртского назван Боспорянином, а у Плутарха – Борисфенитом². Ни одно свидетельство о Сфере невозможно интерпретировать как сообщение о варварском его происхождении.

Тем не менее уже в очерке И. А. Стемповского Сфер впервые в историографии становится то ли варваром, то ли миксэллином: «достойно замечания, что человек, принадлежащий рождением племенам, которые греки едва отличали от диких варваров Скифии, и пришедший из глубины пустынь Киммерийских, сделался главнейшим орудием в преобразовании народа Спартанского...» [73, с. 209]. Чтобы проиллюстрировать близость скифов и причерноморских колонистов, И. А. Стемповский привел ссылку на речь Эсхина «Против Ктесифонта о венке» без указания точной цитаты³. Указав на «почти варварское» происхождение Сфера на основании не со-

¹ Сообщению Афиней сложно доверять: исследователи отмечают, как вольно поэт обращался со своими источниками и биографиями «участников пира». В ряде случаев Афиней попросту называл громкое имя философа, поэта или художника, вводя его в повествование, и приписывал ему не только необходимые реплики, которых тот никогда не произносил (что, бесспорно, было широкой практикой для многих авторов, и не только античных), но и черты биографии, совершенно не присущие названному имени [52, с. 374]. Но заметим, что В. Д. Блаватский совершенно доверял свидетельству Афиней и поместил гетеру Олимпию с мужем и знаменитым сыном в число тех двадцати пяти вольноотпущенников и рабов из северопонтийских колоний, чьи имена известны из нарративных, эпиграфических и археологических памятников [14, с. 50].

² Мы будем и далее придерживаться версии Диогена Лаэртского. В пользу этника «Боспорянин» говорит то, что источники Диогена Лаэртского были куда более точными и подробными, происходившими от стоической школьной традиции. Кроме того, Диоген был внимателен к разночтениям в этниконах, и приводил различные версии, как только подобные разночтения возникали. Диоген Лаэртский указал и названия трудов Сфера, между тем как у Плутарха биография и философские сочинения стоического философа не рассматриваются, Сфер интересует автора «Сравнительных жизнеописаний» лишь в той мере, в какой он влиял на молодого царя Клеомена и на процесс реформ по восстановлению отеческих обычаев. По всей видимости, источник Плутарха куда как менее надежен. Такие ошибки встречаются в литературной традиции: достаточно вспомнить, как в «Мириобиблионе» Фотия авторство пространного труда по истории Иудеи было приписано Гекатею Милетскому (раннему логографу) вместо Гекатея Абдерского (автора эллинистического времени, имевшего возможность лично познакомиться с описанными в книге местами) [29, с. 34–35].

³ Возможно, имелось в виду то место в речи, где Эсхин обвиняет в скифском происхождении своего противника, «хлопотуна и сутягу» Демосфена. Но этот пассаж в речи Эсхина не может быть окончательно признан достоверным: известно, что Демосфен все же был законным афинским гражданином. Предполагают, что он имел родственников на Боспоре, но правдивость всех частей рассказа Эсхина крайне сомнительна [69, с. 171]. Да и введен сюжет

всем ясной аналогии, И. А. Стемповский к вопросу о происхождении философа более в статье не возвращался.

Спустя девяносто лет мысль о том, что Сфер, как выходец с Боспора, мог происходить из этнически смешанного населения, была повторена в статье Д. С. Спиридонова «Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли»: Сфер Боспорский был «*hominis novi* из колонистов и едва ли чистой крови» [72, с. 203]. Статья представляла собой первое комплексное исследование о северо-понтийских философах, в ней автор продемонстрировал прекрасное знание источников, каждый свой шаг в реконструкции жизни и учения Анахарсиса, Дифила, Сфера и Биона он подробно аргументировал («обстоятельной и остроумной» назвал эту работу А. Л. Верлинский [18, с. 147]). Но предположение о происхождении Сфера осталось, как ни странно, без пояснений.

Впрочем, в дальнейшем стойка Сфера не записывали в варвары, если не считать замечание А. Л. Верлинского о смешанном населении тех окраин, откуда философ был родом [18, с. 151] (но на негреческом происхождении Сфера исследователь не настаивал).

По всей видимости, факт взаимовлияния греков и варварского (в первую очередь, скифского) населения на Боспоре дал повод И. А. Стемповскому и Д. С. Спиридонову совершить никак не подкрепленный источниками шаг от общего к частному и предположить негреческое происхождение Сфера.

Если Сфер выступил в качестве варвара-мудреца только в трудах двух русских авторов XIX и начала XX века, то близость родины Биона Борисфенита к населению лесостепной Скифии имела более масштабные последствия в историографии.

Как и в случае со Сфером Боспорским, в XIX веке происхождение Биона стало объектом внимания исследователей классической древности. Уже в первой трети XIX в. находим сведения о нем в энциклопедических изданиях Нового Света. В «Универсальном биографическом словаре, содержащем жизнеописания наиболее выдающихся личностей всех времен и народов...», изданном в Хартфорде в 1828, Бион назван скифским философом («*Scythian philosopher*») [3, р. 71]. В «Словаре греческой и римской биографии и мифологии», изданном Уильямом Смитом в Бостоне в 1867 г., Бион также назван скифским философом. В статье о Бионе приводятся подробные сведения о месте его рождения: названа и Ольвия, в устье реки Борисфен («*Bion, a Scythian philosopher, surnamed Borysthenites, from the town of Oczacovia¹, Olbia, or Borysthenes, near the mouth of the Dnieper*»). С заметкой о Борисфените соседствуют еще десять биографий, посвященных деятелям античности по имени Бион, в ряде случаев указывается их происхождение: «*Greek rhetorician...a native of Syracuse*», «*Greek sophist*» Значит, в статье о Бионе под этниконом «*Scythian*» читателю следует

о скифской родне Демосфена в речь для того, чтобы убедить слушателей в худородности и порочности Демосфена: «по деду он – враг народа, так как предка его вы приговорили к смертной казни; по матери же он – скиф, то есть варвар, лишь говорящий эллинским языком. От этого чуждого происхождения и пороки его» (Aesch., in Ctes. III, 171–173).

¹ В известных нам работах этот топоним используется для обозначения самой Ольвии Понтийской [11, р. 255] или местности возле устья Борисфена [6, р.307].

понимать все-таки варварское происхождение философа [1, р. 489]. Интересно, что в следующем издании словаря (Нью-Йорк, 1884) Бион уже перестает быть скифом: «Bion, of Borysthenes, near the mouth of the Dnieper» [2, р.143]. Вполне вероятно, что в новом издании, исправленном и дополненном профессором Ч. Антоном, использование этника было признано некорректным, и ошибка (вызванная, по всей видимости, упоминанием о «скифской земле» у Диогена Лаэртского) была исправлена.

Немецкие лексиконы XIX века, содержащие сведения о философе Бионе, были более точными в определении его происхождения. Так, в третьем томе «Энциклопедии Брокгауза» (13-е издание) Бион предстает перед просвещенным читателем в качестве «греческого философа из Борисфена» [4, р. 70]. В русском издании «Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», первые восемь томов которого в основном представляют собой перевод 13-го издания немецкого лексикона, вошел без изменений перевод этой статьи о Бионе: «Бион философ (Bion), греч. философ из Борисфена (в Скифии) на реке того же названия, нынешнем Днепре...» [84, с. 37–38]. В других популярных немецких словарях, издававшихся в XIX – нач. XX в., таких, как «Meyers Großes Konversations-Lexikon» и «Pierer's Universal-Lexikon», Бион также представлен выходцем из Скифии, но не скифом [8, s. 889–890; 10, s. 803].

Кроме справочных изданий, на рубеже XIX–XX веков Бион появляется в трудах немецких антиковедов, в частности, в монографии «Греческие мыслители» и сборнике лекций «Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы» Т. Гомперца, «Очерке греческой философии» Э. Целлера; но эти авторы также только указывали на то, что Бион – выходец из периферии, и не предполагали никакого «скифского следа» в его происхождении [25, с. 147–148; 26, с. 133–135; 80, с. 97].

Д. С. Спиридонов, посвятивший подробный раздел статьи «Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли» Биону, «этому бродячему учителю и авантюристу, кинику, не чуждому гедонизму» [72, с. 189], в отдельных вопросах опирался на труды немецких антиковедов (в том числе Т. Гомперца), а в целом – следовал данным античных источников. Поэтому удивительно, что первые неудачи в афинской философской карьере Борисфенита в статье Д. С. Спиридонова объяснены так: «некрупный философ и, как варвар, владевший небезукоризненным произношением, он едва ли пользовался учительским успехом» [72, с. 196]. Здесь мы видим в точности то же, что и в пассаже о происхождении Сфера: обычная для автора стройная аргументация не приводится, дотошный разбор источников отсутствует.

Негреческое происхождение Биона было обстоятельно аргументировано лишь восемьдесят лет спустя. В статье «Человек в античной Ольвии» В. П. Яйленко высказался в пользу того, что родители Биона были выходцами из ойкетов ольвийской хоры, происходивших из туземного (скифского) или метисного (эллино-скифского) населения, и принадлежали к социальным низам Ольвийского полиса [86, с. 119–122]. Это предположение основано на выводах В. П. Яйленко о широком применении слова «борисфенит» для жителей Березани, Ольвии и соседних территорий. По мнению ученого, борисфенитами называли и скифов, живших вдоль нижнего и среднего течения Борисфена на его левобережье. В качестве захоронений этого

негреческого населения, по мнению В. П. Яйленко, следует рассматривать все подбойные могилы, находящиеся на ольвийской хоре, а отсутствие негреческой антропоники в эллинистическом некрополе города следует объяснять тем, что «имена этих скифов и полукровок не попадали в лапидарную эпиграфику города» вследствие бедности их носителей. Таким образом, В. П. Яйленко пришел к выводу, что «процентное равенство подбойных могил с захоронениями греческого импорта на городском некрополе эллинистического времени свидетельствует, что примерно половина Ольвии была негреческого или смешанного происхождения». На основании биографии Биона В. П. Яйленко судил о положении ольвийских ойкетов: «...именно из этой среды вышел Бцион Борисфенит, живший в раннеэллинистическую эпоху. Его отец был отпущенником, т. е. происходил из числа туземного или метисного населения, видимо, того же происхождения была и мать, городская проститутка. Как торговец рыбой отец жил в Ольвии или прибрежном поселке. Попавшийся на расхищении откупных налогов, он был возвращен в прежнее состояние – продан в рабство со своим ойкосом, т. е. включая жену, сына и имущество. Данные об ойкетах и биография Биона дают нам представление о градации социальных состояний и занятиях ольвийских низов: 1) городские и сельские рабы; 2) занятые в частных и полисных сельских хозяйствах ойкеты, в основном, лично свободные 3) ведущие собственное дело и имеющие ойкос вольноотпущенники» [86, с. 121–122].

Выводы В. П. Яйленко впоследствии были оспорены¹. Но здесь показателен,

¹ В. М. Зубарь и Н. А. Сон, в частности, привели аргументы в пользу того, что борисфенитов не следует считать варварским населением (исходя, например, из сообщения Макробия (Macr. Sat. II, 11, 33) об отпуске борисфенитами рабов на волю в условиях осады Ольвии Зопирионом); также нельзя однозначно судить о негреческой этнической принадлежности жителей Ольвии и ее округа, погребенных в скорченном положении; а захоронения с бедным инвентарем (только лепная керамика) может указывать не на этнос, а на социальное положение умершего. Исследователи пришли к выводу, что в регионе наблюдались не этническое смешение и варваризация греков, а напротив, эллинизация местного населения [41, с.84, с. 124]. Вопрос о том, что понимать под Борисфеном или борисфенитами, неоднократно рассматривался. С. Д. Пападимитриу [60, с. 104] считал Борисфеном не Ольвию, а Березань. В. И. Гошкевич пришел к выводу, что Ольвия переняла на себя имя Борисфена (эмпория) [27, с. 144]. Специальная работа «Что понимать под Борисфеном в IosPE. I2, 24» принадлежит С. А. Жебелеву: в ней указано, что Геродот в основном понимал под этим именем Ольвию, но в некоторых местных источниках (IOSPE. I2, 24, декрет Каноба о денежном обращении) под Борисфеном понимается весь Днепро-Бугский лиман (хотя издатель надписи, В. В. Латышев, отмечал тождество значений для названий Ольвия и Борисфен). Вообще же, по мнению С. А. Жебелева, Ольвия – это первое название города, а имя Борисфена Ольвия получила «с легкой руки» Геродота, вслед за которым город стали называть Борисфеном и другие авторы (Скимн Хиосский, Арриан, Лукиан, Птолемей, Дион Хризостом, Стефен Византийский) [33, с. 291, 295]. С выводами С. А. Жебелева не согласился П. О. Карышковский, понимавший Борисфен декрета Каноба как название Ольвии. Ю. Г. Виноградов также указал на то, что Борисфен – это Ольвия, а декрет Каноба является по всем признакам памятником ольвийской палеографии [21, с. 37–38]. Вопрос о составе населения Ольвии и ее округа порождает еще больше споров.

как и в случае с попытками выяснить происхождение Сфера, слабо подкрепленный источниками шаг от общего (предполагаемая этническая принадлежность жителей ольвийской округи) к частному (варварское или смешанное происхождение Биона), совершенный не «любителем истории»¹, а серьезным исследователем.

С. И. Капошина однозначно интерпретировала скорченные погребения Ольвии (а также Херсонеса) как принадлежащие туземному негреческому населению [46, с. 161–174]. Выводы С. И. Капошиной, которые разделил С. А. Жебелев, уже вскоре вызвали критику [61, с. 58]. Помимо скорченных погребений, известны и негреческие имена жителей северопричерноморских полисов; возможно, и некоторое количество носителей греческих, а затем римских имен происходило из варварской или же миксэллинской среды [20, с. 37–39; 23, с. 249–309; 41, с. 45; 50, с. 226–233; 56, с. 86–89; 74, с. 88–112; 75, с. 178–199]. Но даже если мы станем считать Биона и Сфера представителями этого негреческого населения, это никак не поможет разрешить вопрос о количестве такого населения в Ольвии и на Боспоре и его социальном положении.

¹ Яркая личность Биона, захватывающий сюжет биографии философа в пересказе Диогена Лаэртского и близость его родины к племенам лесостепной Скифии не оставили равнодушными и писателей, публицистов, а также представителей жанра, условно называемого «фольк-хистори» [22, с. 16–24].

Так, в историческом романе Н. М. Коробкова «Скиф» (роман вышел в 1930 г., был переиздан в 1992 г.), Блон – эллинизированный скиф, который даже имел последователя среди скифов-земледельцев в окрестностях Ольвии [48]. Заметим, что Н. М. Коробков – ученый и писатель, археолог, он приводил в романе тексты исторических источников, а в конце книги поместил исторический очерк и достаточно подробный справочный аппарат. В историческом очерке дана краткая история скифов согласно свидетельствам Геродота и археологическим данным (материалам археологических раскопок курганов Куль-Оба, Чертомлык, Цымбалка), история Ольвии и Херсонесского государства. По сути, это добротная, хотя и не блестящая, популяризация истории, археологии и краеведения. Достоверные факты, как и следует ожидать, соседствуют с авторским вымыслом. Неудивительно и желание автора «скифизировать» Биона и его последователя, тем более, книга была написана в период особенного интереса в отечественной науке к истории и археологии скифов северопричерноморских степей.

В книге В. Е. Шамбарова «Русь – Дорога из глубин тысячелетий: Когда оживают легенды», притязавшей на то, чтобы быть «неофициальным», но серьезным историческим исследованием, Блон так же оказывается скифом, попавшим в Афины в качестве раба, вопреки биографии, описанной Диогеном Лаэртским. Впрочем, в своем труде В. Е. Шамбаров рассматривает «Велесову книгу» в переводе А. И. Асова в качестве подлинного источника, а при описании степных народов руководствуется, главным образом, трудами Л. Н. Гумилева, поэтому неточности в рассказе о Блоне не должны быть поставлены в упрек автору «неофициального исследования». Куда более удивительным представляется то, что В. Е. Шамбаров, как ему кажется, решил сложный вопрос о культурных взаимодействиях эллинов и скифов Северного Причерноморья: «... для сторонников теорий греческого влияния на скифскую культуру стоит отметить и то, что, неоднократно блистая своей мудростью, скифы были отнюдь не склонны перенимать чужую. Тот же Анахарсис сверкал лишь до тех пор, пока выступал достойным представителем своего народа, глубоким и острым умом опровергая среди эллинов их традиционные представления о дикости и темноте скифов. Но как только сам пошел на поводу у греков, начал перенимать их обычаи и попытался вводить их в Скифии, свои же сородичи во главе с братом Савлием его тут же прикончили... «Велесова Книга», рассказывая

Вернемся к известным письменным источникам о Бионе Борисфените и Сфере Боспорянина. Ни один источник не говорит прямо о негреческом их происхождении, ни один источник не содержит и намека на плохое владение греческим языком и варварское произношение этих философов. При этом известно, каким скрупулезным было в античной литературе отношение ко всякого рода «ненормативным» фактам биографии того или иного видного деятеля: совершенно невозможным для ряда авторов было не упомянуть фракийские корни Антисфена (Diog. Laert. VI, 1, 1), криминальное прошлое Диогена Синопского и его отца (Diog. Laert. VI, 2, 20), бабу-скифянку Демосфена (Aesch., in Ctes. III, 172; Libanius. Demosth., 2), бедность и слабую научную подготовку Клеанфа (Diog. Laert. VII, 5, 168-170). Подобные сведения часто носили характер слухов, тем не менее они обязательно сообщались читателю. Конечно же, варварское происхождение не мешало стать истинным философом или ритором. Дихотомия «эллин – варвар» была не расовой, а социальной и культурной (19, с. 34). Общеизвестно, каким огромным авторитетом пользовался образ скифа Анахарсиса: к примеру, Платон приписывал ему не только природную мудрость и не развращенный цивилизацией нрав, но и множество полезных технических изобретений (Resp. X, 3). В эллинистическое время возникают тексты писем, приписываемых авторству скифского философа: так, анонимный киник эпохи эллинизма пытался освятить авторитетом одного из Семи мудрецов собственную фило-

о племенах, живших в скифское время в лесах в верховьях Днепра и по Припяти, упоминает, что они «скот водили в степи и там были хранимы богами» (II, 5a)» [82].

Скифским философом [39, с. 79] назвал Биона доктор исторических наук П. М. Золин, профессор Новгородского государственного университета, в материалах, разработанных для преподавания курсов «История культуры и этики (в России)», «История философии (в России)». Нам неизвестно, преподавались ли указанные дисциплины по методическим разработкам П. М. Золина, но даже названия разделов курса совершенно обескураживают: «Любо-мудры Митры; Основные периоды прошлого отечественной философии до Рюрика; Предки Зар-ат-уст-Ра...» [39, с. 3–28]. Имя Биона стало для П. М. Золина поводом к применению одного из основных приемов «любительской лингвистики» [37, с. 8–9]: в статье о Бионе для проекта «Энциклопедический Фонд России» П. М. Золин намекнул на связь Биона с праславянами, указав на созвучие имен Бион, Боян и Воин [40].

Как видно, увлечение «нетрадиционными» методами исторических исследований в последние годы свойственно не только любителям истории, но и профессионалам, хотя и в редких случаях. Так, относительно «новой хронологии» А. А. Зализняк указывал, что «профессиональных историков, филологов и лингвистов не нужно убеждать в неприемлемости построений А. Т. Фоменко. Мне не доводилось встречать в их среде его поклонников» [38, с. 162]. Но по меньшей мере еще одно исключение нам известно: это последняя работа музыковеда Е. В. Герцмана, специалиста по истории античной и византийской музыки. Если его монография «Античное музыкальное мышление» (1986) и другие работы до сих пор являются актуальными, то в книге «Тайны истории древней музыки» (2004) автор, неоднократно ссылаясь на труды А. Т. Фоменко, утверждает, что все античные сочинения по музыкальной теории на самом деле были написаны не ранее IX века новой эры. Следовательно, историю античной музыки, да и античную историю вообще нужно пересмотреть и сократить по меньшей мере на тысячелетие [24, с. 520–528; 34, с. 130–135].

софскую проповедь [59, с. 35]. Можно вспомнить сирийца Лукиана Самосатского, ставшего эллином настолько, что слово «варвар» часто встречалось в его речах исключительно в качестве ругательства [36, с. 5]; иудеев Филона Александрийского и Иосифа Флавия, согласовывавших достижения эллинской учености с религиозной мыслью своего народа (пример толкования Филоном Священного Писания: «И сказал Каин Авелю, брату своему: “Выйдем на поле”. И случилось, когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт.4:8). Желание Каина таково: вызвать Авеля на спор и с помощью правдоподобных и убедительных софизмов сделать его своей добычей» (Quod deter. potior. insid. sol. I); Марина Неаполитанского – иудея, ставшего неоплатоником; ливийца или африканца Публия Теренция Афры (Suet., Vita Teren., 1); Марка Корнелия Фронтонa, родившегося в Цирте, столице Нумидии, и именовавшего себя «ливийцем из ливийских номадов» (Ad M. Caesarem 2. 3. 5); Апулея, родившегося в Мадавре (провинция Африка) и называвшего себя полунумидийцем-полугетулом [28, с. 357]; Помпея Трога, чьи предки происходили из племени воконтиев в Галлии [53]; и целый ряд снискавших славу в Риме III–IV вв. галльских ораторов и поэтов [81, с. 33–38].

Существует в античной литературной традиции и объяснение того, при каких условиях варвар может стать настоящим философом. Ему необходимо владеть эллинской речью и быть знакомым с эллинской культурой: об этом писали, в частности, Геродот (IV, 78) и Исократ (Paneg. 50). Интересное замечание об иудее-философе встречаем у Клеарха из Сол, ученика Аристотеля (в пересказе Иосифа Флавия): он был истинным мудрецом, не в последнюю очередь оттого, что знал греческий язык и «был греком в душе» (Cont. Arion. I, 176–183). О Клитомaxe Карфагенском, возглавившем Новую Академию, писали, что он и до прибытия в Афины занимался философией на родине на родном языке; сообщается даже прежнее имя Клитомaxe – Гасдрубал (Diog. Laert. IV. 10, 67).

Но даже те авторы, которые были склонны порицать Биона или Сфера или сообщать что-либо из «ненормативных» черт их биографий, молчат об их варварском происхождении. Плутарх сдержанно укоряет Сфера за то, что проповедуемое им стоическое учение оказало губительное влияние на характер и судьбу царя Клеомена (Cleom. 34). Биона Борисфенита Плутарх в большинстве известных текстов хвалит за остроумие и соглашается с бионовыми сентенциями (Quom. adol. poet. aud. deb. 4 22 A; De vit. pud. 18, 536 A; De soll. anim. 7, 965 AB; De Pyth. Orac. 5. 396E; De superstit. 7, 168D; Quom. adul. ab amic. intern. 16, 59A), лишь дважды порицая за бестактность (Amat. 24, 770 B; De ser. numin. vind. 19, 561c). Афинея рассказывает о том, что мать Биона была лаконской гетерой: подобные слухи зачастую тщательно собирались эллинскими авторами. Но ничего не сказано в «Пире мудрецов» о том, что Бцион был неэллинского происхождения (IV, 62). Если бы Афинею или его источникам были известны подобные свидетельства, то следует признать, остроумный автор не умолчал бы о них: различными анекдотами из жизни знаменитых людей буквально переполнено его пестрое сочинение. Крайне критично относился к Биону автор наиболее подробной его биографии, Диоген Лаэртский. Бцион был настолько несимпатичен

Диогену, что последний завершил биографический очерк, в отличие от большинства других жизнеописаний, не кропотливым перечислением книг, составленных философом, а едкой сатирой собственного сочинения, где он высмеивает последние дни жизни одинокого и больного Борисфенита (IV, 7, 46–58). Тем не менее варваром Бион в «Жизнеописаниях...» не назван.

Обращает на себя внимание тот факт, что варварское происхождение неоднократно приписывалось двум выходцам из Причерноморья, известным из тех литературных памятников, которые значимы для всей античной культуры. Из тех представителей северопонтийского интеллектуального слоя, которые известны только из местных источников, к примеру, по надгробным памятникам (в их числе: Смикр, (КБН 118), Саббион, сын Стефана (КБН 146), Гекатей (КБН 121), Стратоник, сын Зенона (КБН 145), – все это боспоряне), исследователями никто не назывался скифским философом, несмотря на то, что эти любители мудрости жили на Боспоре с его сложным этнокультурным составом.

Среди причин, по которым эллинистическим философам – выходцам с берегов Северного Причерноморья было приписано варварское происхождение, можно назвать не только живой интерес исследователей к истории и археологии региона (находки из скифских курганов поступали в частные коллекции и музеи России уже с XVIII в. [76., с. 361]). Немаловажным представляется влияние на общественную мысль литературного образа ученого варвара с берегов Понта: книга Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие Анахарсиса младшего по Греции» (вышедшая во Франции в 1788 г. и в 1803–1809 гг. изданная на русском языке), была чрезвычайно популярна именно в то время, когда И. А. Стемпковский обратил внимание просвещенного читателя на «философа стоической секты» Сфера Боспорянина¹.

С помощью «варваризации» Биона и Сфера исследователям представлялось возможным решать ряд дискуссионных вопросов истории Причерноморья и древнегреческой истории вообще. Варварским или периферийным происхождением многих кинических и стоических философов неоднократно пытались объяснить сам феномен философии кинизма и стоицизма, вначале тесно связанных между собой: Т. Гомперц писал о том, что стоическая школа прямо происходит от киников, поскольку основатель стоицизма Зенон Китийский учился в Афинах у киника Кратета Фиванского [25, с. 177]. Периферийное происхождение Биона (равно как и других киников, включая Антисфена, Диогена Синопского, Метрокла и Гиппархию, Мениппа) с возникновением и развитием кинизма связывал Теодор Гомперц. В лекциях, посвященных истории античной философской мысли, он утверждал, что ставшее популярным в Афинах и разработанное не-афинянами учение, отрицавшее все привычные устои греческой жизни, произошло далеко не вследствие пресыщенности эллинов культу-

¹ Сочинение Бартеlemi, близкое к жанру травелога, знакомило читателя с достижениями культуры и политической мысли Эллады классического периода, а главным героем повествования выступал потомок мудреца Анахарсиса. Из русских читателей высоко оценили «Путешествие Анахарсиса...» Н. М. Карамзин, М. Н. Муравьев, А. С. Грибоедов. Ф. Н. Глинка считал необходимым создание отечественного аналога сочинения Бартеlemi, «хождения славяно-русского Анахарсиса» [47, с. 413–415; 57, с. 109; 78; 55, с. 171, 175, 182, 187, 188, 192].

рой и гражданскими институтами, как многие полагают. Напротив, кинический негативизм происходил от противоречия между эллинской культурой и полуварварским окружением, – словом, той средой, в которой воспитывались будущие философы (например, об Антисфене Т. Гомперц писал так: «что он был только наполовину греком, есть очень важный факт для истории кинизма. Во всяком случае, это облегчало ему разрыв с существующими религиозными и социальными нормами» [26, с. 129]). Ученый даже нашел возможным сравнить кинический дух с чувствами русского литературного героя Пьера Безухова, ведь, как и греческие окраины, Россия, по мнению Т. Гомперца, не могла испытывать чувства пресыщенности развитой культурой: «Чтобы проникнуть в самое ядро кинизма, недостаточно, однако, познакомиться со взглядами его основателя. По тому же пути катятся и другие повозки, движимые иными силами. Нам нужно подсмотреть эти силы и ознакомиться с ними. Чтобы открыть это основное настроение киников и тот ряд мыслей, из которого выросло все это направление, нам нет нужды покидать ни Европу, ни современность. Герой романа «Война и мир» в известный момент своей жизни испытывает «невыразимое, исключительно русское (!) чувство», «чувство презрения ко всему условному, искусственному, ко всему, что большинство людей считает высшим благом»... Если подобное настроение возникает в современной России и получает здесь широкое распространение, то это не есть только результат пресыщенности культурой. Иначе такое движение имело бы место скорее на Западе, чем на Востоке, более бедном в культурном отношении. Можно, правда, предположить, что и менее развитая культура ощущается как пресыщенность, если она внешним образом привита к не вполне однородному с ней стволу или если элементы культуры и элементы, противоречащие ей, – будет ли то первоначальная природная склонность или общественное положение – соединены в индивидуальной душе или душе народа скорее внешне, чем внутренне» [26, с. 133].

Спустя почти полвека подобный тезис, только относительно стоицизма, повторил Б. Рассел: «стоицизм наименее греческая идея», поскольку его основатели – едва окультуренные варвары, столкновение с высокой афинской культурой породило в них внутренний конфликт и отрицание общественного порядка. Что до киников, Б. Рассел вспомнил уже не героев Л. Н. Толстого, а самого писателя в связи с характерным для кинизма духом отрицания собственности и прочих общепринятых благ: «Антисфен был замечательной фигурой и в некотором отношении напоминал Толстого... Диоген ... напоминает последователей даосизма, Руссо и Толстого, но более устойчив во взглядах, чем они» [68, с. 169–170].

О «выраженном семитском типе» Зенона и, возможно, Хрисиппа в связи с характером стоической философии, подробно писал также М. Поленц (его книга «Стоя: история духовного движения» написана в 1942 г., издана в 1947 г.). Автор добросовестно сообщал читателю, что о культурной и уж тем более философской жизни финикийско-греческого Кития времени Зенона известно крайне мало, но тут же приводил аналогии стоического учения с «наследственными чертами его (Хрисиппа) расы», «семитским образом мысли», «ярчайшими формами фатализма у семитских арабов», и даже с «изошренной казуистикой, приводящей на память дух Талмуда»

[67, с. 104, 136, 231, 349]. В итоге М. Поленц выявил ряд особенностей стоической философии, по его мнению, имевших причиной «национальное чувство Зенона». Это зеноново учение о наследственности; смешение логики и грамматики («грамматика Зенона определена строем семитского языка»); восприятие стойками «глубоких душевных процессов как чувственно воспринимаемых и телесных»; особый интерес стойков к мантике; антропоцентризм стоической физики и теологии («чужд греческому духу был и антропоцентризм стоической веры в Провидение, создавшее все ради человека. И, напротив, этот же антропоцентризм мы можем найти в Ветхом Завете»). В конце концов, даже учение о логосе понималось М. Поленцем как вызванное представлениями о «семитском трансцендентном Боге» [67, с. 42–45, 60, 90, 135–136, 140, 183, 232]. Практически всю раннюю Стою (III — II вв. до н. э.) исследователь считал не совсем «греческой по духу», поэтому для описания эпохи Панэция и Посидония (II—I вв. до н. э.) ввел понятие «эллинизация Стои» [67, с. 403]. Кроме того, М. Поленц специально подчеркнул, что в «эллинизаторе»-Панэции текла «кровь дорийских поселенцев» и продолжатель традиции Посидоний также никак не семит [67, с. 438]. На проблеме стойков предположительно варварского, но не семитского происхождения исследователь не останавливался, ограничившись только напоминанием, что большинство представителей ранней Стои «пришли с периферии греческого мира, из областей с весьма смешанным населением» [67, с. 59]. Потому и Сфер Боспорянин, прибывший из «южной России», сравнению состава крови и состава философии не был подвергнут.

Такие широкие обобщения, приводящие к выводу о «варварском» происхождении кинической и стоической философии, безусловно, нельзя признать удовлетворительными.

Лев Шестов так оспаривал Т. Гомперца: «объяснять направления философии Антисфена тем, что он не был чистым афинянином по крови и затем принадлежал по своему общественному положению к обиженным и обездоленным. Я не думаю, чтобы это было правильно. Среди циников и даже среди выдающихся циников впоследствии были и чистые афиняне, и богатые люди, которые раздавали свои богатства, чтобы “освободиться” от материальных уз... как в наши дни сделал Лев Толстой»; «из наших современников очень близко подошли к Антисфену Толстой, Достоевский и Нитше. Достоевский восхвалял страдание; Толстой с отвращением относился к удобной, устроенной жизни, а что до Нитше, то тот больше всего, почти на каждой странице своих сочинений, говорил чуть ли не словами Антисфена, что он готов на какие угодно муки, но не примет блаженства среднего человека» [83, с. 198–199, 206].

Важное замечание о характере кинического отрицания сделал П. Видаль-Наке. Он показал, что ряд текстов, в том числе принадлежащих киническим авторам, показывает, что отрицание киниками (и ранними стойками) благ цивилизованной жизни и даже оправдание ими каннибализма и инцеста — это далеко не только эпатаж и выражение недовольства существующим устройством. Киники проповедовали возврат человека к своему естественному, дикому состоянию, мыслящемуся как золо-

той век. А в век Кроноса не существовало классических общественных институтов, и человеческие жертвоприношения, и людоедство были, по мнению греков, распространены (Diog. Laert. VI. 34. 72–73; Dion Chrys. X. 29–30; Julian. Or. VI. 191–193) [19, с. 49].

Периферийным или варварским происхождением пытались объяснить роль Биона и Сфера в истории эллинистической школы. Так, к примеру, выглядят объяснения Т. Гомперца и А. В. Верлинского. Авторы даже указывали на некоторую «философскую несостоятельность» Биона и Сфера. Д. С. Спиридонов и В. П. Яйленко, по сути, всего лишь развили эту мысль: успехи и неудачи философской проповеди уроженцев северного берега Понта они объяснили, кроме прочего, полуварварским их происхождением; и вот уже Бцион приобретает предков из негреческого населения лесостепной Скифии и варварский выговор, а Сфер становится «*hominis novi ... едва ли чистой крови*».

Но можно ли и впрямь говорить о неудачах Биона или Сфера?

И кинический (точнее, кинизирующий) софист Бцион, и стоический философ Сфер много писали; судя по всему, они имели достаточное количество учеников и приверженцев. Спустя столетия их сочинения или фрагменты этих сочинений остались востребованными. Плутарх, например, не только цитировал Биона, но и хвалил его остроумие. Полезными находили сентенции Биона и христианские авторы Климент Александрийский и Евсевий Кесарийский (Clem. Alex. Protr. 4.56.1, Strom. 7, 4; Euseb. Praep. Evang. 14, 6). Биона принято считать автором жанра диатрибы – своеобразной кинической проповеди, переданной как диалог, зачастую вымышленный, в котором автор опровергает ложные мнения своего собеседника и утверждает мнения правильные. Эта литературная форма оказалась востребованной и античными авторами (так, диатриба прослеживается в «Сатирах Горация», «Письмах» Сенеки, «Беседах» Эпиктета, речах Диона Хризостома), и авторами новозаветных текстов (например, черты диатрибы видим в Первом послании к Коринфянам, Послании к Галатам), и деятелями гуманизма (одно из сочинений Эразма Роттердамского – «Диатриба, или рассуждение о свободе воли») [12 с. 160; 13, с. 197]. Несмотря на споры о первой диатрибе еще в античности (изобретателем диатрибы называли также Антисфена. Начало жанру было положено еще в диалогах Платона и Ксенофонта. Бцион же, скорее всего, первым занялся литературной обработкой диатрибы), авторство Биона остается общепринятым, и без рассмотрения философского метода выходца из Ольвии не обходятся и новейшие исследования по истории диатрибы [5, р. 9–15, 106]

Сфер также неоднократно упоминался античными авторами как признанный знаток спартанских обычаев. Он участвовал в реформах спартанского царя, жил при дворе Птолемея. В конце концов, письменная традиция сохранила разнообразные сведения из биографии Биона и Сфера. Эти неполные и отрывочные сообщения, конечно, несопоставимы с литературными биографиями Пифагора, Сократа, Платона, но не следует забывать, что жизнеописания многих философов – в том числе, ранних киников и стоиков – среди известных нам текстов практически отсутствуют. Например, что нам известно Дионисии Перебежчике, кроме того, что он не смог вынести

стоического учения о физической боли как об адиафорном (безразличном) и ушел к киренаикам, объявившим высшей целью наслаждение? Что можно сказать о биографии перипатетика Аристона Кеосского, которого уже античные авторы не всегда различали с Аристоном Хиосским (возможно, приверженцем нашего Биона) (Plut. Fem. 3.; Arist. 2.; Diog. Laert., VII. 2; VII. 4, 167; Strab. X. V, 6) [77, с. 23]? Все-таки сведения о жизни Биона и Сфера куда как более пространны, и нет никакой необходимости пояснять их «неудачи» на философском поприще, тем более, пояснять якобы негреческим происхождением. Можно с уверенностью сказать, что Бцион и Сфера в своей философской проповеди были намного успешнее целого ряда современников. Интересно, что Б. В. Варнеке связывал отъезд Биона и Сфера в Афины с тем, что полуварварская среда им была чужда, ведь для «ученой и литературной деятельности тогда еще вовсе не было надлежащей почвы в таких местах вывозной торговли» [16, с. 24].

С другой стороны, именно переданная Диогеном Лаэртским и другими авторами биография Биона стала поводом к реконструкции социальной (у В. Д. Блаватского) или этносоциальной (у В. П. Яйленко) ситуации в Ольвии и Северном Причерноморье в эллинистическую эпоху. В. Д. Блаватский, исходя из сообщений Диогена и Афиней, воссоздавал картину рабовладения и его основных источников в эллинистическом Северном Причерноморье, несмотря на то, что биография Борисфенита является в значительной степени литературной мистификацией¹. Но как уже было указано, оба исследователя полностью доверяли и Афиней, и Лаэртию.

Мы все же можем говорить о некоторых выходцах из варварской среды, участвовавших в культурной и интеллектуальной жизни северопричерноморских полисов. Известен по строительной надписи архитектор из Танаиса Навак, сын Мевака. В 220 г., при царе Рескупориде, как говорится в ней, на средства эллинарха Басилида, сына Форгабака была восстановлена рыночная площадь «для города и для купцов» архитекторами Диофантом, сыном Неопола, Аврелием Антонином, Наваком, сыном Мевака (КБН, 1245). Аврелий Антонин известен и по другим надписям Танаиса: на протяжении почти двух десятилетий ему поручалось строительство и восстановление важных объектов. Он восстановил ворота на средства Хофрасма, сына Форгабака, пресбевта царя Ининфимея; а в 236 г. выполнил три проекта – восстановил заброшенную башню, отстроил источник и построил башню (КБН, 1259, 1250, 1252). Сотрудничество Навака с таким специалистом показывает, что выходец из негреческого населения мог быть инкорпорирован в образовательную и профессиональную

¹ Рассказ Биона Антигону (когда царь потребовал дать отчет о происхождении философа) по-разному передан у различных авторов; в самом рассказе просматривается характерная для Биона сатирическая манера, игра со смыслами, специфическое использование цитат в речи. Те образы из бионосовых диатриб, которые передает Плутарх, совпадают с рассказом о самом Бионе у Диогена Лаэртского: у Плутарха Бцион высмеивает суеверного человека, у Диогена же – сам становится таким суеверным в конце жизни. Кроме позднейшей литературной традиции, приписывавшей киникам яркие черты биографии, можем предположить здесь и автобиографический миф самого Биона, желавшего всеобщего внимания. Скандальная история, которую он рассказывал о своих молодых годах на родине, как нельзя лучше подходила для такой цели.

среду. В таких условиях Навак мог получить достаточное образование, чтобы стать архитектором-профессионалом, ведь он представлен в надписи не в качестве «под-мастера» архитекторов-эллинов, а как их коллега, ведь архитектор должен был быть по-настоящему образованным человеком, ему требовались обширные познания в разных областях. Так, Витрувий называл необходимыми для специалиста арифметику, геометрию, оптику, астрономию, музыку, знания по юриспруденции, медицине, даже истории и философии, опыт рисовальщика (Vitruv., I, I, 3). Примечательно все же, что Навак, сын Мевака, – это единственный пока известный архитектор Северного Понта с негреческим именем (остальные имена из эпиграфических памятников: упоминавшиеся Диофант, сын Неопола, Аврелий Антонин, а также Евтих – КБН 1112).

В римское время на Боспоре известны по двум надписям выходцы из варварской среды, работавшие переводчиками (КБН 698, 1053). Первая надпись относится к надгробной стеле из Пантикапея. В ней упомянуты Перисал, сын Саврофа, переводчик, и его сын Ревсиал. В этой надписи видят переводчика на боспорской государственной службе, происходящего из племени ревксиналов и, по-видимому, вполне эллинизированного (КБН, с. 404). В другой надписи, происходящей из Фанагории, идет речь о главном переводчике алан – Гераке, сыне Понтика. В. В. Шкорпил считал его начальником переводчиков, служивших в царской администрации на восточном берегу Меотиды (КБН 1053, с. 614). С Боспора происходит значительное количество посвященных надписей культовых союзов – фиасов или синодов. Кроме отца синода, филагата, парафилагата, секретаря упоминаются должности гимнасиарха и неанискарха. Характерно, что в надписях возрастных союзов из греческих городов Малой Азии также почти во всех случаях упоминаются эти должности. Это дает возможность заключить, что кроме культовых функций боспорские фиасы выполняли гражданские функции воспитания молодежи. Нельзя ставить знак равенства между известной нам должностью гимнасиарха, так сказать, светского (такие гимнасиархи в античном Северном Причерноморье известны: Агасикл и Демотел, сын Феофила, из Херсонеса, Деметрий Юлий из Пантикапея – IOSPE. I2, 418; 436; КБН 706) и гимнасиархом фиаса, но вряд ли будет опрометчивым предположение о том, что и гимнасиархи культовых боспорских союзов должны были обладать авторитетом среди сограждан и быть высокообразованными. Среди гимнасиархов и неанискархов Танаиса встречаются и негреческие и смешанные имена: неанискарх Саванон, сын Хофрасма; неанискарх Фанн, сын Фанна; гимнасиарх Фазином, сын Фазинома, неанискарх Афенодор, сын Фадинома; гимнасиарх Фадином, сын Каллистиона. Упоминаются варвары и среди секретарей танаидских фиасов: сын Дада, сын Зотома (КБН 1263, 1264, 1268). Значит, некоторая часть ираноязычного населения Танаиса получала эллинское образование и могла не только принимать участие в воспитании юношества и ведении важных документов, но и руководить этой работой. Но на этом заканчиваются известные нам негреческие имена представителей интеллигентных профессий в Северном Причерноморье. Можно предположить, что еще какая-то часть выходцев из варварской среды была задействована в сфере искусства (τέχνη), работников которого античные авторы ставили далеко не так высоко, как философов,

«подобных богам», причисляя даже выдающихся художников к ремесленникам (32, с. 142–156). Исследователь искусства Северного Причерноморья А. С. Иванова в работах «Искусство античных городов Северного Причерноморья» (1953) и «Скульптура и живопись Боспора» (1961) допускала, что определенная «сарматизация» в искусстве рельефа, которую можно наблюдать в первые века новой эры, происходила не только от того, что аттические образцы упрощались непрофессионалами, но и потому, что в мастерских Боспора работали выходцы из варварской среды, учившиеся у греческих мастеров. Памятники живописи также создавались «как греками, так и местными мастерами, которые часто работали по греческим образцам, иногда воспроизводившим оригиналы знаменитых греческих художников», при этом «греческие и местные мастера зачастую работали в одной и той же мастерской».

Безусловно, все эти факты сами по себе не дают оснований считать Биона Борисфенита и Сфера Боспорянина варварами по рождению. Очень заманчивым было бы объяснять их происхождением целый ряд вопросов: этносоциальную ситуацию в Ольвии и на Боспоре, успехи или неудачи Биона и Сфера на философском поприще, в конце концов, феномен ранних кинической и стоической школы. Но такое объяснение неизбежно будет вольной интерпретацией источников, ничего не сообщающих о варварском происхождении этих эллинских философов с эллинскими именами и судьбами, вполне характерными для мудрецов, вовлеченных в бурные события эллинистической эпохи.

Список использованных источников и литературы

1. A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology / Ed. by W. Smith. – Boston: Little, Brown and co., 1867. – Vol.1. – 1093 p.
2. A new dictionary of Greek and Roman biography and mythology: partly based upon the Dictionary of Greek and Roman biography and mythology / Ed. by W. Smith. – New York: Harper & Brothers. 1884. – 1039 p.
3. Baldwin Ch. N. A universal biographical dictionary containing the lives of the most celebrated characters of every age and nation. – Hartford: S. Andrus and Son, 1828. – 444 p.
4. Brockhaus' Conversations-Lexikon. – Leipzig: F. A. Brockhaus 1882, – Bd. 3. – 954 s.
5. Burns A. Diatribe and Plutarch's practical ethics: a thesis...for the PhD. – Iowa: The University of Iowa, 2015. – 119 p.
6. Denina C. Della Russiade canti dieci tradotti dall'originale Greco. – Pavia, 1799. – 314 p.
7. Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Societatis Archaeologicae Imperii Russici. –Vol. 1. – Petropoli, 1885. – 598 p.
8. Meyers Großes Konversations-Lexikon. – Leipzig und Wien: Bibliographisches Institut, 1905. – Bd. 2. – 913 s.
9. Olliers F. Le philosophe stoïcien Sphairos et l'œuvre réformatrice des rois de Sparte Agis IV et Cleomène III // Revue des Études Grecques Année. – 1936. – Vol. 49. – Num. 233. – P. 536–570.
10. Pierer's Universal-Lexikon der Vergangenheit und Gegenwart oder Neuestes encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe. – Bodmer, Altenburg: Verlagsbuchhandlung von H.A. Pierer, 1857. – Bd. 2. – 951 s.
11. Scriptorum Rerum Hungaric. Veteres Ac Genuini / Cur. J. G. Schwandtneri. – Vindobona: Typ. J. T. Nob. De Trattner, 1768. – P. III. – 419 p.
12. Аверинцев С. С. София-Логос. –Киев: Дух и Литера, 2000. – 912 с.
Averintsev S. S. Sofiya-Logos. – Kiev: Duh i Litera, 2000. – 912 s.

13. Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение. – СПб.: Российское Библейское общество, 2000. – 271 с.
Auni D. Novyj Zavet i ego literaturnoe okruzhenie. – SPb.: Rossijskoe Biblejskoe obshchestvo, 2000. – 271 s.
14. Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – № XX. – С. 31–56.
Blavatskij V. D. Rabstvo i ego istochniki v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya // SA. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – № XX. – S. 31–56.
15. Блаватский В. Д. Ученые, поэты, архитекторы, скульпторы и другие мастера, работавшие в Северном Причерноморье // Античные государства Северного Причерноморья / Серия: Археология СССР. – М.: Наука, 1984. – Т. 9. – 392 с.
Blavatskij V. D. Uchenye, poety, arhitektory, skulptory i drugie mastera, rabotavshie v Severnom Prichernomor'e // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya / Seriya: Arheologiya SSSR. – M.: Nauka, 1984. – T. 9. – 392 s.
16. Варнеке Б. В. Из культурной жизни греческих колоний на юге России // ЗООИД. – Одесса, 1916. – Т. 33. – С. 21–24. Varneke B.V. Iz kul'turnoj zhizni grecheskih kolonij na yuge Rossii // ZOOID. – Odessa, 1916. – T. 33. – S. 21–24.
17. Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. – СПб.: Печ. В. Головина, 1869. – 329 с.
Vasil'evskij V. G. Politicheskaya reforma i social'noe dvizhenie v drevnej Grecii v period ee upadka. – SPb.: Pech. V. Golovina, 1869. – 329 s.
18. Верлинский А. Л. К Боспорской просопографии: стоик Сфер // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А. К. Гаврилов. – СПб.: Глагол, 1992. – С. 146–177.
Verlinskij A. L. K Bosporskoj prosopografii: stoik Sfer // Ehtyudy po antichnoj istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya / Otв. red. A. K. Gavrilov. – SPb.: Glagol, 1992. – S. 146–177.
19. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с фр.; под ред. С. Карпука. – М.: Ладомир, 2001. – 419 с.
Vidal'-Nake P. Chernyj ohotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire / Per. s fr.; pod red. S. Karpyuka. – M.: Ladomir, 2001. – 419 s.
20. Виноградов Ю. А. О курганах варварской знати V–III вв. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // Скифия и Боспор: Тез. докл. конф. памяти М. И. Ростовцева. – Новочеркасск, 1989. – С. 37–39.
Vinogradov Yu. A. O kurganah varvarskoj znati V–III vv. do n. eh. v rajone Bospora Kimmerijskogo // Skifiya i Bospor: Tez. dokl. konf. pamjati M.I. Rostovceva. – Novoчерkassk, 1989. – S.37–39.
21. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. – М.: Наука, 1989. – 285 с.
Vinogradov Yu.G. Politicheskaya istoriya Ol'vijskogo polisa VII-I vv. do n. eh.: Istoriko-ehpigraficheskoe issledovanie. – M.: Nauka, 1989. – 285 s.
22. Володихин Д. М. Феномен фольк-истории // Отечественная история. – М.: РАН, 2000. – № 4. – С. 16–24.
Volodihin D. M. Fenomen fol'k-istorii // Otechestvennaya istoriya. – M.: RAN, 2000. – №4. – S. 16–24.
23. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 624 с.
Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – 624 s.
24. Герцман Е. В. Тайны истории древней музыки. – СПб.: Нота; Азбука-классика, 2004. – 576 с.
Gercman E.V. Tajny istorii drevnej muzyki. – SPb.: Nota; Azbuka-klassika, 2004. – 576. s.
25. Гомперц Т. Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы / Пер. И. Давыдова и С. Салитан. – СПб.: Изд-е Тов. «Общественная польза», 1912. – 309 с.
Gomperc T. Zhizneponimanie grecheskih filosofov i ideal vnutrennej svobody / Per. I. Davydova i S. Salitan. – SPb.: Izd-e Tov. «Obshchestvennaya pol'za», 1912. – 309 s.
26. Гомперц Т. Греческие мыслители / Пер. Д. Жуковского и Е. Герцык. – СПб.: Алетея, 1999. – Т. 2. – 272 с.
Gomperc T. Grecheskie mysliteli / Per. D. Zhukovskogo i E.Gercyk. – SPb.: Aletejya, 1999. – T. 2. – 272 s.

27. Гошкевич В. И. Древние городища по берегам низового Днепра // ИИАК. – СПб., 1913. – Вып. 47. – С. 117–145.
Goshkevich V. I. Drevnie gorodishcha po beregam nizovogo Dnepra // ИИАК. – СПб., 1913. – Вып. 47. – С. 117–145.
28. Грабарь-Пассек М. Е. Апулей // Апология: Метаморфозы: Флориды. – М.: АН СССР, 1960. – С. 357–365.
Grabar'-Passek M. E. Apulej // Apologiya: Metamorfozy: Floridy. – М.: АН СССР, 1960. – С. 357–365.
29. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме / Введ. и комм. М. Штерна. Русск. изд. под ред. Н. В. Брагинской. – М. – Иерусалим: Гешарим, 1997. – 632 с.
Grecheskie i rimskie avtory o evreyah i iudaizme / Vved. i komm. M. Shterna. Russk. izd. pod red. N. V. Braginskoj. – М.-Jerusalim: Gescharim, 1997. – 632 s.
30. Grecheskie i rimskie avtory o evreyah i iudaizme / Vved. i komm. M. Shterna. Russk. izd. pod red. N. V. Braginskoj. – М.-Jerusalim: Gescharim, 1997. – 632 s.
31. Дарвин А. Л. Сфер Борисфенит и реформаторское движение в Спарте (историография вопроса) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Ред. Э. Д. Фролов. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 171–190.
Darvin A. L. Sfer Borisfenit i reformatorskoe dvizhenie v Sparte (istoriografiya voprosa) // Mneomon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Red. E.H.D. Frolov. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 171–190.
32. Доддс Э. Греки и иррациональное / Пер. С. В. Пахомова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
Dodds E.H. Greki i irracional'noe / Per. S. V. Pahomova. – СПб.: Aletejya, 2000. – 507 s.
33. Дорофеев Д. Ю. Эстетика человеческого образа в жизни и иконография античных философов в искусстве // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. – Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ, 2015. – Вып. 9.1. – С. 142–156.
Dorofeev D. YU. Estetika chelovecheskogo obraza v zhizni i ikonografiya antichnyh filosofov v iskusstve // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. – Centr izucheniya drevnej filosofii i klassicheskoy tradicii NGU, 2015. – Вып. 9.1. – С. 142–156.
34. Жебелев С. А. Что понимать под «Борисфеном» в IosPE. 12, 24 // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 388 с.
Zhebelev S. A. Chto ponimat' pod «Borisfenom» v IosPE. 12, 24 // Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoj ehpoi. – М.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1953. – 388 s.
35. Жмудь Л. Я. Новые музыкальные мистерии // Критическая масса. – № 2. – Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культур», 2006. – С. 130–135.
Zh mud' L. YA. Novye muzykal'nye misterii // Kriticheskaya massa. – № 2. – Moskva: Fond nauchnyh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», 2006. – С. 130–135.
36. Завойкина Н. В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I – первой половине III вв. н. э. / Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – 285 с.
Zavojkina N. V. CHastnye soobshchestva gorodov Bosporskogo carstva v I – pervoj polovine III vv. n. eh. / Dis. ... kand. ist. nauk. – М. 2006. – 285 s.
37. Зайцев А. И. Лукиан из Самосаты – древнегреческий интеллигент эпохи упадка // Лукиан: Сочинения. – СПб., 2001. – Т. 1. – С. 2–15.
Zajcev A. I. Lukian iz Samosaty – drevnegrecheskij intelligent ehpoi upadka // Lukian: Sochineniya. – СПб., 2001. – Т.1. – С.2–15.
38. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. – М.: Русский Мир, 2009. – 240 с.
Zal iznyak A. A. Iz zametok o lyubitel'skoj lingvistike. – М.: Russkij Mir», 2009. – 240 s.
39. Зализняк А. А. Лингвистика по А. Т. Фоменко // УМН. – М.: Математический институт им. В. А. Стеклова РАН, 2000. – Т. 55. – Вып. 2 (332). – С. 162–188.
Zal iznyak A. A. Lingvistika po A. T. Fomenko // UMN. – М.: Matematicheskij institut im. V. A. Steklova RAN, 2000. – Т.55. – Вып. 2(332). – С. 162–188.
40. Золин П. М. Античные истоки отечественной философии как стержня культуры и этики. – В. Новгород: НовГУ, 2003. – 120 с.
Zolin P. M. Antichnye istoki otechestvennoj filosofii kak sterzhnya kul'tury i ehiki. – V. Novgorod: NovGU, 2003. – 120 s.

41. Золин П. М. Бион // Энциклопедический Фонд. – Режим доступа: <http://www.russika.ru/ef.php?s=2361>.
Zolin P. M. Bion // Enciklopedicheskiy Fond. – Rezhim dostupa: <http://www.russika.ru/ef.php?s=2361>
42. Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху: Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Supplementum. – Симферополь, 2007. – Вып. 3. – 240 с.
Zubar' V. M., Son N. A. Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu: Osnovnyye tendencii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya // MAIET. Supplementum. – Simferopol', 2007. – Vyp. 3. – 240 s.
43. Иваницкий В. Ф. Филон Александрийский. Жизнь и обзор литературной деятельности. – Киев: Тип. акц. общ. «Петр Барский в Киеве», 1911. – 606 с.
Ivanickij V.F. Filon Aleksandrijskij. Zizn' i obzor literaturnoj deyatel'nosti. – Kiev: Tip. Akc. Obshch. «Petr Barskij v Kieve», 1911. – 606 s.
44. Иванова А.П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. – Л.: ЛГУ, 1953. – 192 с.
Ivanova A.P. Iskusstvo antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. – L.: LGU, 1953. – 192 s.
45. Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. – 150 с.
Ivanova A. P. Skul'ptura i zhivopis' Bospora. – Kiev: Izd-vo AN USSR, 1961. – 150 s.
46. Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. – М.: Наука, 1973. – № 4. – С. 108–116.
Kadeev V. I. Ob ehtnicheskoy prinadlezhnosti skorchennyh pogrebenij hersonesskogo nekropolja // VDI. – M.: Nauka, 1973. – № 4. – S. 108-116.
47. Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – № 7. – 1941. – С. 161–174.
Kaposkina S. I. Skorchennye pogrebeniya Ol'vii i Hersonesa // SA. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR. – № 7. – 1941. – S. 161-174.
48. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – Т. 1. – С. 77–600.
Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika // Karamzin N. M. Izbrannye sochineniya: V 2 t. – M.; L.: Hudozhestvennaya literatura, 1964. – T. 1. – S. 77-600.
49. Коробков Н. М. Скиф: Первоистория земли Российской. – М.: Патриот, 1992. – 320 с.
Korobkov N. M. Skif: Pervoistoriya zemli Rossijskoj. – M.: Patriot, 1992. – 320 s.
50. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 950 с.
Korpus bosporskih nadpisej / Red. V. V. Struve. – M.; L.: Nauka, 1965. – 950 p.
51. Кузьмина Т. А. Негреческие женские имена античного Боспора // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2010. – № 1. – С. 226–233.
Kuz'mina T. A. Negrecheskije zhenskije imena antichnogo Bospora // Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2010. – № 1. – S. 226-233.
52. Ласи Р. М. Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. – М.: Наука, 2000. – № 3. – С. 79–85.
Lasi R. M. Primenimost' ponyatiya revolyucii k reformam Agida, Kleomena i Nabida v Sparte // VDI. – M.: Nauka, 2000. – № 3. – S. 79-85.
53. Левинская О. Л. Афиней и его книга // Афиней. Пир мудрецов / Пер. Н. Т. Голинкевич. – М.: Наука, 2003. – Кн. I–VIII. – 655 с.
Levinskaya O. L. Afinej i ego kniga // Afinej. Pir mudrecov / Per. N. T. Golinkevich. – M.: Nauka, 2003. – Kn. I-VIII. – 655 s.
54. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Т. 3. – 576 с.
Lyubker F. Real'nyj slovar' klassicheskikh drevnostej. – M.: OLMA-PRESS, 2001. – T.3. – 576 s.
55. Масленников А. А. Скорченные погребения в грунтовых некрополях некоторых боспорских городов // СА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1976. – № 3. – С. 110–129.

**ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ФИЛОСОФОВ –
ВЫХОДЦЕВ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

- Maslennikov A. A. Skorchennye pogrebeniya v gruntovyh nekropolyah nekotoryh bosporskih gorodov // SA. – М.;Л.: Izd-vo AN SSSR, 1976. – №3. – S. 110–129.
56. Минчик С. С. Грибоедов и Крым. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 276 с.
Minchik S. S. Griboedov i Krym. – Simferopol': Biznes-Infom, 2011. – 276 s.
57. Молев Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. – М.: Центрполиграф, 2003. – 399 с.
Molev E.A. Elliny i varvary. Na severnoj okraine antichnogo mira. – М.: Centrpoligraf, 2003. – 399 s.
58. Муравьев М. Н. Тетрадь для сочинений // Сочинения Муравьева / Изд. А. Смирдина. В 2 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. – Т. 1. – 446 с.
Murav'ev M. N.Tetrad' dlya sochinenij // Sochineniya Murav'eva / Izd. A. Smirdina. V 2 t. – SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1847. – Т. 1. – 446 s.
59. Нахов И. М. Философия киников. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
Nahov I. M. Filosofiya kinikov. – М.: Nauka, 1982. – 222 s.
60. Нахов И. М. Антология кинизма: Философия неприятия и протеста. – М.: ТЕППА, 1996. – 432 с.
Nahov I. M. Antologiya kinizma: Filosofiya nepriyatiya i protesta. – М.: ТЕППА, 1996. – 432 s.
61. Пападимитриу С. Д. Древние сведения об острове Березани // ЗООИД. – Одесса, 1910. – Т. 28. – С. 97–112.
Papadimitriu S.D. Drevnie svedeniya ob ostrove Berezani // ZOOID. – Odessa, 1910. – Т. 28. – S. 97–112.
62. Папанова В. А. Урочище Сто могил: Некрополь Ольвии Понтийской. – Киев: Знання України, 2006. – 278 с.
Papanova V. A. Urochishche Sto mogil: Nekropol' Ol'vii Pontijskoj. – Kiev: Znannya Ukraїni, 2006. – 278 s.
63. Петрова Э. Б. Дифил // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 320 с.
Petrova E. B. Difil // Greki v istorii Kryma: Kratkij biograficheskij spravochnik. – Simferopol': Tavriya-Plyus, 2000. – 320 s.
64. Петрова Э. Б. Античная Феодосия: История и культура. – Симферополь: СОНАТ, 2000. – 264 с.
Petrova E. B. Antichnaya Feodosiya: Istoriya i kul'tura. – Simferopol': SONAT, 2000. – 264 s.
65. Петрова Э. Б. Мыслители античных городов Северного Причерноморья // УЗ ТНУ. – Симферополь, 2000. – № 13 (52). – С. 62–80.
Petrova E. B. Mysliteli antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // UZ TNU. – Simferopol', 2000. – №13 (52). – S. 62–80.
66. Печатнова Л. Г. Первый этап реформ в эллинистической Спарте // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Ред. Э. Д. Фролов. – СПб., 2011. – Вып. 10. – С. 174–200.
Pechatnova L. G. Pervyj etap reform v ehllinisticheskoy Sparte // Mnemon.Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Red. EH.D. Frolov. – SPb., 2011. – Vyp. 10. – S.174–200.
67. Печатнова Л. Г. Реформы спартанского царя Клеомена III // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Ред. Э. Д. Фролов. – СПб, 2012. – Вып. 11. – С. 65–100.
Pechatnova L. G. Reformy spartanskogo carya Kleomena III//Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Red. EH.D. Frolov. – SPb, 2012. – Vyp.11. – S.65–100.
68. Поленц М. Стоя. История духовного движения. – СПб.: Квадриум, 2015. – 1040 с.
Polenc M. Stoya. Istoriya duhovnogo dvizheniya. – SPb.: Kvadrium, 2015. – 1040 s.
69. Рассел Б. История западной философии / Ред. В. В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. – 815 с.
Rassel B. Istoriya zapadnoj filosofii / Red. V. V. Celishcheva. – Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1997. – 815 s.
70. Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. – СПб.: Алетейя.2001. – 304 с.
Skrzhinskaya M. V. Skifiya glazami ehllinov. – SPb.: Aletejya.2001. – 304 s.
71. Скржинская М. В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. – М.: Наука, 2002. – № 2. – С. 133–143.
Skrzhinskaya M. V. Ol'viopolity i bosporyane v Afinah // VDI. – М.: Nauka, 2002. – № 2. – S. 133–143.

72. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. – К.: Ин-т истории Украины НАНУ, 2014. – 250 с.
Skrzhinskaya M. V. Obrazovanie i dosug v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya. – K.: In-t istorii Ukrainy NANU, 2014. – 250 s.
73. Спиридонов Д. С. Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. – Симферополь: Типография Тавр. губ. земства, 1918. – № 54. – С. 187–233.
Spiridonov D. S. Urozhency severnogo berega Chernogo morya v istorii drevnegrecheskoj mysli // ITUAK. – Simferopol': Tipografiya Tavr. Gub. Zemstva, 1918. – №54. – S.187–233.
74. Стемпковский И. А. Исторические изыскания о жизни и писаниях боспорянина Сфера, философа стоической секты // Московский вестник. – М., 1828. – № 10. – С. 203–220.
Stempkovskij I. A. Istoricheskie izyskaniya o zhizni i pisanijah bosporyanina Sfera, filosofa stoicheskoy sekty // Moskovskij vestnik. – M., 1828. – №10. – S.203–220.
75. Толстиков В. П. Святылище на акрополе Пантикапея // ВДИ. – М.: Наука, 1987. – № 1. – С. 88–112.
Tolstikov V. P. Svyatilishche na akropole Pantikapeya // VDI. – M.: Nauka, 1987. – № 1. – S. 88–112.
76. Тохтасев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А. К. Гаврилов. – СПб.: Глагол, 1992. – С. 178–199.
Tohtasev S. R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya. II. Frakijskie imena na Bospore // Etyudy po antichnoj istorii i kulture Severnogo Prichernomor'ya / Otv. red. A. K. Gavrilov. – SPb.: «Glagol», 1992. – S. 178–199.
77. Тункина И. В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) // Проблемы античной истории / Ред. Ю. Дворниченко. – СПб., 2003. – С. 359–375.
Tunkina I. V. Pervye issledovatel'skie programmy v klassicheskoy arheologii Severnogo Prichernomor'ya (XVIII – seredina XIX v.) // Problemy antichnoj istorii / Red. YU. Dvornichenko. – SPb., 2003. – S. 359–375.
78. Филатов К. Словарь античных историков. – Барнаул: Самиздат, 2007. – 137 с.
Filatov K. Slovar' antichnyh istorikov. – Barnaul: Samizdat, 2007. – 137 s.
79. Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век: Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII – начало XIX в. – Л.: Наука, 1981. – С. 167–184.
Fomenko I. YU. Istoricheskie vzglyady M.N. Murav'eva // XVIII vek: Sb.13: Problemy istorizma v russkoj literature: Konec XVIII – nachalo XIX v. – L., Nauka, 1981. – S. 167–184.
80. Фрагменты ранних стоиков / сост. А. Столяров. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002. – Т. 1. – 252 с.
Fragmenty rannih stoikov / sost. A. Stolyarov. – M.: Greko-latinskij kabinet YU. A. Shichalina, 2002. – T.1. – 252 s.
81. Целлер Э. Очерк греческой философии / Пер. С. Л. Франк. – СПб.: Алетейя, 1996. – 296 с.
Celler E.H. Ocherk grecheskoj filosofii / Per. S. L. Frank. – SPb.: Aletejya, 1996. – 296 s.
82. Шаблага И. Ю. Славься, император: Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 144 с.
Shabaga I.YU. Slav'sya, imperator: Latinskie panegiriki ot Diokletiana do Feodosiya. – M.: Izd-vo MGU, 1997. – 144 s.
83. Шамбаров В. Е. Русь: Дорога из глубин тысячелетий: Когда оживают легенды. – М.: Алетейя, 1999. – Режим доступа: <http://xwap.me/books/8830/Rus-Doroga-iz-glubin-tysyacheletiy-Kogda-ozhivayut-legendy.html?p=60>
Shambarov V. E. Rus': Doroga iz glubin tysyacheletij: Kogda ozhivayut legendy. – M.: Aletejya, 1999. – Rezhim dostupa: <http://xwap.me/books/8830/Rus-Doroga-iz-glubin-tysyacheletiy-Kogda-ozhivayut-legendy.html?p=60>
84. Шестов Л. И. Лекции по истории греческой философии. – М.; Париж: Русский путь, YMCA-Press, 2001. – 304 с.
Shestov L.I. Lekcii po istorii grecheskoj filosofii. – Moskva; Parizh: Russkij Put', YMCA-Press, 2001. – 304 s.

85. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1891. –Т. IV. – 472 с.

Enciklopedicheskiĭ slovar' F.A. Brokgauza i I. A. Efrona. – SPb.: Tipo-Litografiya I. A. Efrona, 1891. –Т. IV. – 472 s.

86. Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 1990. – С. 249–309.

Yajlenko V. P. Ol'viya i Bospor v ehllinisticheskuyu epohu // Ellinizm: ehkonomika, politika, kul'tura. – М.: Nauka, 1990. – S. 249–309.

87. Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии: Очерки социальной истории Ольвии // Человек и общество в античном мире. – М.: Наука, 1998. – С. 90–129.

Yajlenko V.P. СHelovek v antichnoj Ol'vii: Ocherki social'noj istorii Ol'vii // СHelovek i obshchestvo v antichnom mire. – М.: Nauka, 1998. – S. 90–129.

Leybenson J. T. About an ethnic origin of philosophers-natives from the Northern Black Sea Coast. / J. T. Leybenson // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 3–26.

This thesis studies an issue on the reflection of the biographies of two famous people from the ancient Northern Black Sea Coast, Bion Borysthenes and Spheres Bosporan, in the historiography of the 19-20th centuries, in particular, assumptions about the barbarous origin of these philosophers of Hellenistic period. Despite the fact that none of antique biographers mentions non-Greek or mixed ethnicity of Spheres and Bion, the neighborhood of their home countries with the Scythians and “mirage of Anacharsis” gave rise to version about non-Greek origin of the stoic and Cynic, who arrived in Athens from the coast of Pontus, which were little backed up by sources, but sufficiently anchored in the literature. Especially persistent was this version with respect to Bion: Bion the Scythian appears not only in special research and encyclopedias, but also in literature, as well as in the works of the genre called «folk-history».

Keywords: Ancient literature, historiography, history of the North Pontic Region in antiquity.